

Глава 7

Чэн Янь всегда считал, что настоящий мужчина не должен позорно дезертировать в решающий момент.

Впрочем, сейчас размышления о мужском достоинстве отошли на второй план. Он стремительно подошел к двери и, приоткрыв ее, выглянул наружу. У порога стояли двое слуг, удерживая тяжелую бадью с водой.

— Лекарь Чэн, куда прикажете поставить?

Чэн Янь невольно напряг мышцы рук, прикидывая свои силы, и с сожалением признал: самому ему с такой ношей не совладать.

— Заносите. В покои не входите, оставьте здесь, снаружи.

Он вышел следом, бросил внимательный взгляд на воду и уточнил:

— Сбор трав заварили в нужной пропорции? Вода кипела?

Слуги торопливо закивали:

— Всё в точности так, как вы велели!

— Хорошо, заносите.

Но стоило им переступить порог, как один из слуг, шедший впереди, замаялся:

— Чуть не забыл... Тут такое дело... Господин Дай просит аудиенции у цзюньвана.

— Дай Чигуань? — Чэн Янь удивленно изогнул бровь. — И принесло же его в такое время.

Слуга, не смея поднимать глаз, лишь пробормотал:

— Да, господин Дай сейчас в главном зале. Говорит, что дело не терпит отлагательств и ему во что бы то ни стало нужно видеть цзюньвана.

Лицо Чэн Яня мгновенно потемнело.

— Передай ему: цзюньван сегодня не принимает. Пусть господин Дай уходит.

— Но... не слишком ли это дерзко? — Слуга с опаской взглянул на лекаря. — Может, стоит всё же доложить его высочеству?

Холодно усмехнувшись, Чэн Янь принялся проверять, соответствует ли лечебный состав его требованиям, и отчеканил:

— Цзюньван принимает ванну. Какие еще могут быть встречи?

Слуга тут же смолк и покорно склонил голову:

— Слушаюсь.

Провожая его взглядом, Чэн Янь почти физически ощутил то, что читалось в глазах этого человека: «Посмотрите-ка на него, новый фаворит в поместье, а как поет! Истинный лис, прикрывающийся мощью тигра».

В воздухе едва ли не повисла невысказанная избитая фраза: «У нового любимца улыбка на лице, а старый — в слезах».

«Друг мой, у тебя в глазах слишком много драмы»

Мысленно проворчал он, не желая ничего объяснять. «Высокомерный лекарь» лишь величественно взмахнул рукавом:

— Всё, свободны.

Визит Дай Чигуаня в такой час мог означать лишь одно из двух: либо он испугался, что окончательно потерял расположение Чу Вана, и это ударит по его карьере, либо он уже успел присягнуть на верность третьему принцу и теперь ищет способ подставить цзюньвана, обвинив его в измене.

Какова бы ни была причина, лучше было выставить его за порог как можно скорее.

Однако стоило слугам выйти, как до Чэн Яня донеслись громкие возгласы, долетающие со двора:

— Цзюньван ведь в поместье! Кого вы слушаете, холопы?! Как вы смеете преграждать мне путь?! У меня к его высочеству дело государственной важности, если выйдет задержка — вы за это головами ответите!

Мужчина первым делом оглянулся на ширму. Сквозь полупрозрачный шелк смутно угадывался силуэт Чу Вана, неподвижно сидящего в ванне.

Тихо выругавшись, Чэн Янь вышел из дома и плотно прикрыл за собой дверь.

Несмотря на все попытки слуг удержать его, Дай Чигуань уже стоял прямо перед ним.

— Так это ты... тот самый лекарь, что мнит себя перерождением божественного целителя?

«Я никогда такого не утверждал»

Сухо подумал Чэн Янь. На его губах заиграла вежливая, но холодная улыбка:

— Простите, а вы кто будете?

Собеседник замер, и Чэн Янь отчетливо услышал, как тот заскрежетал зубами.

— Неужели в поместье цзюньвана еще остался кто-то, кто не знает моего имени?

Он задумчиво потер подбородок, изображая на лице крайнюю степень замешательства:

— Я живу здесь уже почти месяц, но что-то не припомню этого лица... Вы, должно быть, один из прихлебателей в свите его высочества?

— Ты!.. Да как ты смеешь!

Теперь лекарь был уверен: зубы чиновника вот-вот раскрошатся от ярости.

Этот человек никогда не отличался терпением. Годы, проведенные в роли обожаемого кумира маленького цзюньвана, приучили его к мысли, что весь мир вращается вокруг него, а в сердце Чу Вана ему всегда отведено первое место.

Тогда, услышав от юноши слова о залоге любви, он в панике сбежал, а после решил, что небольшая пауза пойдет им на пользу — мол, пусть цзюньван помучается и сам прибежит просить прощения.

Но Чу Ван не пришел. Вместо этого из поместья поползли слухи: князь прыгнул в озеро ради какой-то безделушки, едва не утонул, а после привел в дом безродного врача, который обещал исцелить его недуг...

Дай Чигуань пристально, с нескрываемой неприязнью разглядывал мужчину перед собой.

Тот был высок. В это время, когда люди редко отличались статью, рост в сто восемьдесят пять сантиметров позволял Чэн Яню смотреть на подавляющее большинство свысока. Буквально.

Правда, фигура его была худощавой. В своем длинном халате лекарь сам походил на пациента больше, чем те, кого он лечил.

«Каким бы пригожим ни было лицо, всё равно — покойник», — злорадно подумал Дай Чигуань.

Он даже не пытался скрыть презрения, проигнорировав все восторженные слухи о мастерстве целителя.

— Расспроси любого в округе, и тебе скажут, как дорог я цзюньвану. А теперь отвечай: его высочество в этих покоях? Почему ты боишься впустить меня? Совесть нечиста?

Чэн Янь прикинул время, оставшееся до завершения процедуры. Ему не хотелось тратить драгоценные минуты на этого фигляра.

— Раз цзюньван не желает тебя видеть, тебе бы стоило задуматься, чем ты вызвал его отвращение, а не устраивать здесь базарный крик. Господин Дай, вы, должно быть, перепутали поместье цзюньвана со своим задним двором, раз позволяете себе так врывать? Мне вот любопытно, кто из слуг оказался настолько нерадив, что пропустил вас сюда?

Пока он говорил, его ледяной взгляд скользнул по застывшим неподалеку людям.

Поначалу те принимали Чэн Яня за очередного удачливого шарлатана. Они видели лишь, как он шутит и развлекает князя, и не верили в его таланты. Естественно, никто не принимал его всерьез.

Но стоило ему заговорить — и в его голосе проступил такой холод, что весь внутренний дворик мгновенно погрузился в тишину. Те немногие, кто осмелился поднять глаза, смутно ощутили: перед ними совсем другой человек. От его взгляда у них похолодели подошвы ног, и они поспешно опустили головы, не смея больше проронить ни звука.

Дай Чигуань тоже на мгновение оторопел, подавленный этой внезапной переменой. Опомнившись и осознав, что он невольно отступил на шаг, он вспыхнул от унижения и гнева.

— Я пришел к цзюньвану! И только его высочеству решать, видеть меня или нет. Не тебе, ничтожному льстецу, указывать мне дорогу!

Чэн Янь не остался в долгу:

— Я лишь озвучил волю его высочества. Раз он не хочет тебя видеть, с какой стати он должен выходить и лично выставлять тебя вон? Не слишком ли много чести? Господин Дай, скатертью дорога!

— Ты... ты!.. — Дай Чигуань ткнул в него пальцем, но его красноречие бессильно разбилося об эту ледяную стену. Он просто не знал, что отвечать такому беспардонному человеку.

Слуга, стоявший рядом — тот самый, что помогал нести бадью — теперь смотрел на лекаря с глубочайшим почтением. Его взгляд был настолько жарким, что Чэн Янь не смог его проигнорировать.

Легко кашлянув, он кивнул помощнику:

— Проводи господина Дая к выходу.

Тот, прекрасно понимая, что князь сейчас в ванне и ни за что не выйдет, смекнул: посетитель сегодня уйдет ни с чем. А значит, самое время продемонстрировать верность новому фавориту.

— Сию минуту! — бойко отозвался слуга. — Господин Дай, пройдемте.

Тот рассчитывал, что Чу Ван, услышав шум, обязательно выйдет или хотя бы позовет его. Маленький цзюньван всегда был падок на всё новое, но Дай верил: старая привязанность сильнее. Однако за дверями царила тишина.

В душе его шевельнулась острая тревога. Раньше любовь «маленького дурачка» лишь тяготила его. Ему казалось, что коллеги по службе смотрят на него с насмешкой, и он часто срывал злость на Чу Ване, считая его причиной своих бед. Но в глубине души он понимал: именно благодаря этой любви его карьера шла как по маслу. После экзаменов он получал только теплые места в столице — непыльные, престижные и многообещающие.

Что будет без поддержки Чу Вана? Дай Чигуань убеждал себя, что и сам не промах, но, вкусив плодов высокого покровительства, он уже не хотел возвращаться к честному и трудному пути.

К тому же, обожание человека столь высокого ранга льстило его самолюбию. Даже если этот человек был не в своем уме, его преданный взгляд дарил Дай Чигуаню ощущение безграничного превосходства.

И вот теперь всё это ускользало из рук. Без Чу Вана мир казался ему неудобным и враждебным.

Но Дай Чигуань всё же дорожил своей репутацией и не мог позволить себе откровенную истерику на пороге поместья. Мрачно дернув плечом, он круто развернулся, намереваясь уйти.

И именно в этот миг из-за дверей донесся голос Чу Вана:

— Чэн Янь! Ты где?!

Дай Чигуань резко обернулся:

— Цзюньван в доме!

— Он в доме, но видеть тебя не желает, — отрезал Чэн Янь с презрительной усмешкой. Не тратя больше времени на непрошеного гостя, он шагнул в комнату и плотно закрыл дверь.

— Я здесь. Принес горячей воды, сейчас подбавлю, — громко произнес Чэн Янь, подходя к ширме.

За шелком слышались всплески — очевидно, даже в горьком отваре маленький цзюньван ухитрялся развлекаться, пуская круги по воде.

Губы Чэн Яня невольно тронула мягкая улыбка.

— Ну так заходи скорее! — послышалось из-за ширмы. — Чэн Янь, мне так больно...

Лицо лекаря мгновенно переменилось. Он протянул руку, чтобы отодвинуть ширму.

— Стой! Чэн Янь! Что ты задумал сделать с цзюньваном?!

Голос Дай Чигуаня раздался прямо за спиной. Чэн Янь оглянулся и увидел, что тот ворвался в дом. Тот самый слуга с «драмой в глазах» отчаянно пытался его удержать:

— Господин Дай! Вам нельзя сюда!

Чэн Янь едва сдерживал раздражение. Боясь потерять время, он проигнорировал незваного гостя и зашел за ширму.

— Что с тобой?

Всплеск!

Струя горячей, горькой воды ударила ему прямо в лицо. Чэн Янь замер, чувствуя, как по щекам стекает темный отвар.

— Попался! — Чу Ван залился звонким смехом. — Ой? А чего ты не увернулся?

Чэн Янь смахнул капли с ресниц и встретился с лукавым взглядом круглых, сияющих глаз юноши. Гнев таял, не успев зародиться. Глядя на это счастливое лицо, Чэн Янь не мог злиться, даже несмотря на то, что его ворот был безнадежно испорчен.

— Сядь смирно, — мягко проговорил он, подходя ближе. — Не хватало еще простудиться.

Чу Ван, чтобы удобнее было плескаться, привстал из бадьи, обнажив плечи. На его голове всё еще виднелись серебряные иглы, и Чэн Янь не на шутку встревожился:

— Сиди тихо, не задень иглы.

— Я же не маленький, — Чу Ван смешно тряхнул головой, но послушно опустил в воду, так что на поверхности остался лишь его подбородок.

Чэн Янь склонился над ним и осторожно извлек одну иглу. Увидев, что кончик ее из серебристого стал иссиня-черным, он простерилизовал ее над пламенем свечи и отложил на поднос. Действуя быстро и уверенно, он одну за другой снимал остальные иглы.

— Больно? — негромко спрашивал он в процессе.

— Совсем нет! — бодро отвечал Чу Ван, а затем любопытствовал: — Чэн Янь, а чем это ты там занимался?

Прежде чем тот успел ответить, за ширмой раздался яростный вскрик Дай Чигуаня:

— Чэн Янь! Что это ты творишь с цзюньваном?!

<http://bllate.org/book/15870/1436819>